

Инструментальный подход к анализу государства как методологический императив

С.Г. КИРДИНА-ЧЭНДЛЕР*

*Кирдина-Чэндлер Светлана Георгиевна – доктор социологических наук, заведующая сектором эволюции социально-экономических систем Института экономики РАН. Адрес: Москва, 117218, Нахимовский проспект, 32. Email: kirdina@bk.ru

В статье обсуждаются основные методологические проблемы, возникающие при анализе государства и его роли в экономике. Актуальность такого обсуждения вызвана ростом числа публикаций, где представлены различные теоретические концепции на данную тему. Это, в свою очередь, связано с все более активной экономической политикой национальных государственных структур по всему миру и необходимостью ее осмысления. Рассматриваются три основных вызова, с которыми сталкиваются исследователи государства и его экономических функций: идеологизация, феноменологизация/универсализация и определение теоретических рамок. Обоснована необходимость инструментального подхода как средства решения проблем, провоцируемых данными вызовами. В качестве положительных иллюстраций инструментального подхода, реализованного при анализе государства и его роли в экономике, представлены малоизвестные в научной экономической среде отечественные теории XX в.: теория анархического коммунизма российского революционера П. Кропоткина и теория государственной социалистической собственности советского юриста-цивилиста А. Венедиктова.

Ключевые слова: методология экономической науки, инструментализм, теории государства, роль государства в экономике, микро-, мезо-, макро-, методологический институционализм, П.А. Кропоткин, А.В. Венедиктов.

DOI: 10.31857/S086904990010763-1

JEL: B1, B2, B3, B4

Цитирование: Кирдина-Чэндлер С.Г. (2020) Инструментальный подход к анализу государства как методологический императив // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 158–173. DOI: 10.31857/S086904990010763-1

Обсуждаемые в данной статье результаты частично были представлены на Первой октябрьской международной научной конференции по проблемам теоретической экономики “Экономическая наука: забытые и отвергнутые теории” (г. Москва, 3–5 октября 2019 г.) в докладе «“Анархический коммунизм” П.А. Кропоткина и “теория государственной социалистической собственности” А.В. Венедиктова». Автор благодарит участников конференции – Г. Гловели, Р. Капелюшникову, Н. Неновского, В. Полтеровича, А. Рубинштейна и др. за замечания, сделанные в ходе обсуждения доклада.

An instrumental approach to the analysis of the state as a methodological imperative

S.G. KIRDINA-CHANDLER*

*Svetlana G. Kirdina-Chandler – Doctor of Sociological Sciences, Head of Sub-Division at the Institute of Economics, Russian Academy of Sciences. Address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117218, Russian Federation. E-mail: kirdina@bk.ru

Abstract. The paper discusses the main methodological problems that arise in the analysis of the state and its role in the economy. The relevance of such a discussion is caused by an increasing number of publications, in which various theoretical concepts on this topic are presented. This, in turn, is associated with an understanding of increasingly active economic policies of national government structures around the world. Three main challenges arising in connection with the analysis of the state and its economic functions are examined: ideologization, phenomenolization / universalization, and determination of the theoretical framework. The necessity of an instrumental approach as a means of solving the problems provoked by these challenges is substantiated. As positive illustrations of the instrumental approach implemented in the analysis of the state and its role in the economy, the paper presents national theories of the 20th century that are little known in the scientific economic audience: the theory of anarchist communism by the Russian revolutionary P. Kropotkin (1842–1921) and the theory of state socialist ownership by the Soviet civil lawyer A. Venediktov (1887–1959).

Keywords: methodology of economic science, instrumentalism, state theory, economic functions of the state, micro-meso-macro, methodological institutionalism, Peter Kropotkin, Anatoly Venediktov.

DOI: 10.31857/S086904990010763-1

JEL: B1, B2, B3, B4

Citation: Kirdina-Chandler S.G. (2020) An Instrumental Approach to the Analysis of the State as a Methodological Imperative. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 158–173. DOI: 10.31857/S086904990010763-1 (In Russ.)

Поводом для написания статьи послужил анализ ряда публикаций, в которых рассматривается роль государства в современной экономике и предлагаются различные теоретические толкования данного явления. Всплеск числа работ о роли государства в экономике – как в России, так и за рубежом – в значительной степени связывается с последствиями преодоления недавнего кризиса 2008–2009 гг., в котором важную роль сыграла активная политика национальных государственных структур по всему миру¹ (ситуация с коронавирусом COVID19 в начале 2020 г. еще больше подчеркнула роль государственных структур в преодолении экономических шоков). Поэтому нет сомнения в актуальности этой темы. Но именно важность тематики определяет, на мой взгляд, необходимость точной методологической настройки исследований о государстве и его экономических функций. Прежде всего речь идет о том, чтобы пояснить, что авторы имеют в виду, когда используют термин “государство”. Без такого понимания бывает затруднительно следовать логике авторских рассуждений. Также это служит препятствием для оценки теоретических построений и реалистичности предлагаемых практических рекомендаций.

В статье освещаются следующие вопросы. Во-первых, предпринимается попытка объяснить, почему термин “государство” требует четкого определения в разрабатываемых авторами теоретических концепциях, и показать основные вызовы, возникающие перед исследователями в этой связи. Обосновывается императивность инструментального

¹ Об активизации роли государства в экономике см., например, [Клинова 2015; Barrow 2016; Jessop 2016; Рубинштейн, Городецкий 2017; На пути... 2018; A Modern ... 2019; Бузгалин, Колганов 2020] и др.

подхода к анализу государства как средства преодоления данных вызовов (раздел 1). Во-вторых, в качестве иллюстрации применения инструментального подхода к анализу государства представлены две отечественные теории XX в. – теория анархического коммунизма П. Кропоткина и теория государственной социалистической собственности А. Венедиктова, – мало известные современной экономической научной общественности (раздел 2). Основные выводы представлены в заключении.

Что такое “государство”?

Интересно, что в доминирующем дискурсе о роли государства в экономике необходимость определения того, “что такое государство”, вызывает порой недоумение. “Интуитивно это и так понятно”, – зачастую отвечали мне на прямой вопрос о том, что есть государство и как оно понимается авторами в том или ином написанном ими тексте. И это не было бы проблемой, если быть уверенным в том, что “интуитивное понимание” у всех одинаковое. Но это не так. Скорее наоборот – понимание того, что такое государство, неоднозначно и зачастую весьма приблизительно. Это связано в том числе и с тем, что в ходе научного дискурса у исследователей происходит порой неосознаваемое переключение с позиции ученого на позицию “простого человека со здравым смыслом” и обратно. И такой взгляд весьма характерен для представителей современных общественных наук, он оказывается отчетливо заметным в ходе обсуждений докладов на семинарах и конференциях.

Этот “грех” [Кирдина 2008, с. 21–22] обусловлен тем, что ряд широко применяемых в общественных науках терминов (таких, как общество, государство, институты и др.) пришли в обществоведение из обыденной жизни, из “ненаучного” общепотребительного языка. Неявно предполагается, что все примерно понимают, о чем идет речь, поскольку в нашей речи слова эти часто используются. Но в действительности – если не приводится точного авторского определения государства в той или иной концепции, – мы фактически имеем дело со словом-омонимом, то есть со словом, имеющим при одинаковости написания разный смысл для тех, кто пользуются этим словом.

О трудности полноценного научного дискурса, возникающего в этой связи, писал неизвестный мне автор, скрывающийся в интернете под псевдонимом *durga*. Вот его слова: “Проблема состоит в том, что слова-омонимы часто становятся источником шизофренического (расщепленного) мышления. Это происходит, когда произносится одно и то же слово, но его значение произвольно меняет свой смысл. Это явление хорошо изучено современной психологией, такие слова называются триггерами. Формирование же расщепленного мышления означает ликвидацию человека как критически мыслящей единицы. Возникает фанатическая пристрастность. Просьба же определить однозначно слово-триггер или не использовать его приводит к системному сбою в психике человека – не используя этого слова, человек просто не может мыслить. Определить его он тоже не может, потому что, несмотря на то, что он уверен в однозначности своего определения, оно неоднозначно и зависит от текущего состояния. Хотя в каждый момент времени определение только одно (и человек уверен, что оно у него одно), но в момент перескоков оно меняется. В какой-то момент человек говорит о государстве как о власти, а в какой-то момент – как о стране, обществе, но отчета в этих изменениях он себе не отдает” (<http://vif2ne.ru/prj/forum/5/0.htm>). Обществоведение, как известно, изобилует такими словами-триггерами, и на некоторые из них периодически возникает своя мода.

Отмеченные “перескоки” в сознании ученых связаны с тем, что в русском языке мы используем слово “государство” весьма широко. Например, Большой толковый словарь 1998 г. определяет государство как “политическую форму организации общества во главе с правительством и его органами, осуществляющими управление обществом,

охрану его экономической и социальной структуры”, или “страну с определенной формой политической организации” (с. 223). Но мы понимаем под государством не только определения из словаря или уже отмеченные в предыдущем абзаце “власть” или “общество”, но “государственное устройство”, “державу”, “народ”, “территорию”, “структуру органов управления”, “госчиновников” и т.д.

В англоязычном дискурсе многозначность анализируемого термина усиливается в связи с различным пониманием слова “государство” (*state*) в американском и британском английском. Для носителей американского варианта слова “государство” (*state*) и “правительство” (*government*) – синонимы: они означают организованную политическую силу, управляющую на определенной территории. Для английского языка стран Содружества (British and Commonwealth English) слова “государство” (*state*) и “правительство” (*government*) различны [Robinson 2013] – последнее относится к министрам и должностным лицам, проводящим на территории государства определенную политику (американцы для этого используют слово “администрация” – “*the administration*”).

Отмеченная многозначность понимания того, что такое государство, – одна из проблем формирования конвенциональной лексики и точной терминологии во множестве теорий государства, разработанных к настоящему времени в социологии, политологии, экономике, социальной философии и т.д. Поэтому для ученых, занимающихся этими проблемами, то есть имеющими дело с государством в качестве *объекта* своего исследования, так важно и необходимо давать его строгие моносемичные однозначно понимаемые определения для минимизации риска смешения понятий. Другими словами, как это хорошо известно из методологии научных исследований, требуется строго представить “государство” как *предмет* того или иного исследования. Такая моносемичность определения позволяет четко понять авторскую позицию и исключает множественность интерпретаций.

Понимая многозначность значений слова “государство”, я, например, в своих работах стараюсь по возможности этого слова избегать, поскольку, на мой взгляд, его невозможно представить, описать и понять вне определенного контекста, в котором ведутся рассуждения. Так, для меня представляется очевидным, что государство, понимаемое, скажем, как “государственное устройство” (в английском языке для этого используется термин *polity*), организовано по-разному в тех обществах, где доминируют институты X-матрицы или Y-матрицы [Кирдина 2014]. Типом доминирующей матрицы определяется и государственная политика поддержки воспроизводственных процессов в экономике: это либо “государство-инвестор” в X-матрице, либо “государство-регулятор” в Y-матрице [Кирдина 2014].

Действительно, стремясь обозначить, что для автора значит “государство”, то есть работать с данным понятием именно как с термином, ему необходимо вводить его в свою теорию через систему взаимосвязанных понятий, предъявлять аргументы, почему именно так понимается “государство”, обозначать, на какие традиции и аналитические схемы он опирается – в рамках каких предпосылок, какой научной дисциплины и какого подхода работает. Необходимость такой методологической проработки и представляет, на мой взгляд, тот самый *методологический императив*, который вынесен в название статьи. Как говорил в свое время А. Кара-Мурза, необходимо “срезать шелуху фактов методологической бритвой”, чтобы ясно обозначать свою исследовательскую позицию. Строгая методологическая база исследования не только обеспечивает необходимый научный уровень разрабатываемой теории, но определяет качество сделанных на ее основе предложений и рекомендаций. Еще один “бонус” следования методологическому императиву – увеличение шансов быть понятым коллегами-исследователями и завоевать их доверие через раскрытие тайн своей “методологической кухни”.

А что имеется в виду под *инструментальностью подхода* к изучению государства, также вынесенного, наряду с методологическим императивом, в название статьи?

Инструментальность означает, что невозможно, на мой взгляд, исследовать государство “само по себе” или лишь ради научного любопытства. Изучение тех или иных его сторон (феномена сложного и многогранного самого по себе) определяется теми задачами, которые ставит перед собой ученый. Инструментальность (ответ на вопрос “для чего”?) определяет фокусировку исследовательского интереса и перспективы практического приложения получаемых научных результатов.

В определенной мере акцент на необходимости инструментального подхода², в том числе и к анализу государства, отражает все более популярную в современной философии и методологии науки установку, согласно которой научные понятия, теории и гипотезы рассматриваются как инструменты, необходимые для ориентации человека в его взаимодействии с природой и обществом. Такая установка называется инструментализмом [Порус 2009].

Об инструментализме впервые написал американский философ Д. Дьюи еще в 1903 г. в своей книге “*Studies in Logical Theory*”, рассматривая его как методологический компонент прагматизма [The Essential... 1998]. Дьюи отмечал свойство концепций и теорий быть полезными инструментами, ценность которых измеряется не тем, истинны они или ложны, но тем, насколько они эффективны в объяснении и предсказании явлений. При этом инструментализм не сводит фундаментальную науку к уровню просто прикладной науки, как полагал К. Поппер в своей критике инструментализма [Popper 2003], и не означает лишение науки ее объяснительного содержания, как позже отмечал британский физик Д. Дойч [Deutsch 1997], также критикуя инструментализм.

В настоящее время применение инструментального подхода отражает также отмечаемую философами “алгоритмическую эстетику” [Маньковская 2000, с. 226], которая все более характерна для науки в эпоху постпостмодернизма, или *цифромодерна*³. *Понятие алгоритма предполагает точную формулировку последовательности операций, необходимых для выполнения определенной задачи, при этом каждый последующий шаг задается рамками непосредственно ему предшествующего* [Маньковская 2000, с. 227–228]. Рассмотрение инструментальной методологии в алгоритмическом ключе – своего рода тест на логичность реализации той или иной исследовательской идеи, а также оценки правомерности получаемых с ее помощью следствий.

В этой связи обратим внимание на особенности инструментализма, проявляющиеся прежде всего в познавательной деятельности. Речь идет о том, что при инструментальном подходе “истина понимается исключительно как синоним гарантированного суждения” [Порус 2001, с. 125], и эта гарантия имеет место при условии определенных допущений. Другими словами, отрицается существование абсолютных утверждений и “чистых данных”, то есть данных, которые “сами по себе” отражают истину. Напротив, исследуемые факты осмысливаются в связи с некоторыми идеями и теориями, которые, в свою очередь, представляют собой средства организации научных суждений во взаимосвязанные логические структуры, когда одни высказывания выводятся из других. Между информацией и знанием, как известно, лежат теоретико-методологические схемы.

С этой точки зрения инструментальный подход к анализу государства означает, что выработываемая для его исследования система понятий, гипотез, развиваемых (или разделяемых) моральных и эстетических идей, с одной стороны, позволяет внести определенность

² На страницах журнала “Общественные науки и современность” было представлено *инструменталистское* определение экономики как “ящика исследовательских инструментов”, когда экономическая теория рассматривается преимущественно как метод и не связана собственно с экономической реальностью [Кошовец 2019]. В нашем случае *инструментальный* подход, в дополнение к такой трактовке, предполагает связь теоретических концепций с определенным пониманием исследуемой реальности и фокусировкой анализа в соответствии с задачами ее изучения в осознаваемых теоретических рамках.

³ Цифромодерн (автор термина А. Kirby) – лишь одно из названий постпостмодерна.

и порядок, “понятность” в его исследование с целью разрешения возникающих практических проблем, а с другой – задает определенную интерпретацию анализируемых структур и функций государства. Проще говоря, само определение государства и используемая при этом терминология определяют те характеристики и функции, которые далее будут ему вменяться и исследоваться.

Приведу некоторые соображения зарубежных и российских теоретиков, изучающих государство. Они не только указывают на важность строгого терминологического определения предмета своего исследования, но и идентифицируют основные вызовы и возможные трудности, если таким определением пренебрегают.

Первая из отмеченных трудностей связана с идеологизацией. Как много лет назад (и это справедливо до сих пор) заметил К. Бэрроу в книге “Критические теории государства: марксистская, нео-марксистская, пост-марксистская”, сам акт определения термина “государство” можно рассматривать “как часть идеологического конфликта, потому что разные определения приводят к разным теориям функций государства и, как результат, подтверждают разные политические стратегии” [Barrow 1993, p. 10–11].

Приверженность ученых (которые тоже люди!) различным идеологиям – не секрет. Однако отношение к идеологической компоненте при проведении научных исследований весьма различно. На одном полюсе – признание роли и значения идеологии как “увеличительного стекла”, позволяющего высветить искомую истину. Сюда можно отнести как К. Маркса и его последователей, так и некоторых современных институционалистов, например авторов популярных сегодня теорий и порядков открытого и ограниченного доступа [North, Wallis, Weingast 2009; Нопм, Уоллис, Вайнгаст 2011], и инклюзивных и экстрактивных институтов [Acemoglu, Robinson 2012; Аджемоглу, Робинсон 2015]. Защищая (критикуемую рядом исследователей) опору названных авторов институциональных теорий на определенные идеологические установки, В. Полтерович, например, полагает такую опору необходимой и естественной, поскольку “сложность общественных систем, их изменчивость и невозможность (за исключением редких ситуаций) проведения лабораторных экспериментов приводят к тому, что общие концепции, претендующие на объяснение реальности и на практическую значимость, вынуждены опираться на идеологию” [Полтерович 2017, с. 57]. Другими словами, именно идеология, как предполагается, может служить основой упорядочивания и интерпретации полученных в исследовании данных о сложных социальных объектах, к которым относятся государство, экономика и общество.

Однако на другом полюсе представлена точка зрения, согласно которой ученым надо стремиться к тому, чтобы “закрывать двери” перед собственными, групповыми или доминирующими в социуме идеологическими предпочтениями при проведении исследований. “Сеансы одновременной игры с научными критериями и идеологическими кодами” [Маньковская 2000, с. 294] приводят к своего рода герметичности теоретических концепций, их замыканию в круге идеологических единомышленников.

Не отрицая субъективности ученых, методологи науки связывают их стремление к элиминированию собственных взглядов с научной объективностью – одним из необходимых компонентов производства научного знания. Это, конечно, не просто. Еще М. Бахтин, рассуждая о естественнонаучном и гуманитарном знании, писал, что, когда исследователь ставит вопрос и получает ответ, в любом случае имеет место личностная интерпретация процесса знания [Бахтин 1979, с. 370], и в социальных науках эта субъективированная оценочность проявляется, пожалуй, наиболее ярко. Современным ученым, формировавшимся в эпоху постмодернизма (даже если мы этого и не осознавали), быть вне идеологии особенно трудно. Как известно, постмодернистская позиция предполагала “предпочтительность моральной ангажированности и социальной гиперактивности теоретика в сравнении с более традиционными представлениями о его стремлении к объективности

и беспристрастности” [Девятко 2007, с. 35]. Порой обществоведы, имея свои взгляды на “правильное” и “неправильное” в экономике и обществе, осознанно или неосознанно вплетали (и продолжают вплетать) их в рассуждения о предмете своего исследования. В таких случаях разрабатываемые теории могут стать способом обоснования личных или групповых интересов, базисом оправдания авторских идеологических предпочтений. Например, стремившиеся к объективности и научности экономисты и социологи старшего поколения “из СССР” помнят, с каким трудом им приходилось отстаивать независимость суждений и “не обслуживать интересы КПСС”.

Неизбежны ли вызываемые идеологией и личными предпочтениями деформации научных разработок, особенно в такой чувствительной области, как изучение экономических и социальных процессов, и как “закрывать двери” перед их проникновением в проводимые исследования? Возможно ли это? И вновь ответ мы находим в методологическом императиве. Он означает четкое предъявление исходных, в том числе идеологических, предпосылок, прозрачность и адекватность аналитической схемы, очевидность используемой системы терминов (терминологии), формулировку альтернативных гипотез и способов их проверки, обоснованную систему анализа, а в идеале – также метрик и измерений.

Не могу не поделиться своим предположением еще об одном факторе, который может этому способствовать. Речь идет о развитии особой компетенции обществоведов – социологов и экономистов, – которую по аналогии с музыкой можно было бы назвать “социологическим слухом” или “экономическим слухом”. Речь идет о достижении ученой квалификации, означающей способность различать происходящие в экономике и обществе процессы так, «чтобы личные ценности не деформировали (минимально деформировали) восприятие социальной реальности... Не может быть классным хирургом человек, боящийся крови, а певцом – человек без слуха. И социологом <и экономистом> может стать далеко не всякий, получивший соответствующий диплом. А до тех пор, пока у нас нет такого “теста”, велика вероятность получения... нарративов вместо научного знания. Лишь единицы обладают... <таким> слухом и способностью с умением хорошего ремесленника делать свое дело, не взирая на свои взгляды, на политические наигрыши жизни» [Кирдина 2008, с. 22].

Итак, идеологизация и пристрастность в исследованиях государства и его роли в экономике – *первая* трудность, преодолению которой способствует методологический императив.

Вторая трудность связана с обязательностью учета исторических и феноменологических характеристик бытования государства при его изучении. Вот как пишут об этом Д. Пейнтер и А. Джеффри: “...если мы определим сущность государства в одном месте или эпохе, мы можем обнаружить, что в другое время или в другом месте государство имеет другие существенные характеристики” [Painter, Jeffrey 2009, p. 21]. На необходимость такого подхода указывают А. Бузгалин и А. Колганов [Бузгалин, Колганов 2020, с. 2]. Вспомним в этой связи гегелевское представление о “понятии как времени вещи” [Маньковская 2000, с. 77], то есть о его относительности. Другими словами, изучение государств должно быть не только теоретически обосновано, но эмпирически и исторически конкретно [Barrow 2017].

В этом контексте отмечу две возможных крайности. Одна из них – концентрация на одной конкретной стране в определенный период времени “здесь и сейчас”. В этом случае велика опасность *феноменализации*, описательного подхода. Исследователи в таком случае практически отказываются от научного метода, смысл которого – в переходе от наблюдения за отдельным явлением или случаем к классификациям явлений и объектов, их типологизации, к выявлению общих закономерностей, регулярностей и т.д. Наука не может не “подниматься” над конкретным.

Другая крайность – *универсализация*, рассуждения о государстве вообще или предположение о том, что “всегда и везде” оно является тем, что представляют себе авторы

(“ночным сторожем”, или заботливым “патером”, или “плеймейкером”, или “злым Левиафаном” и т.д.).

Можно предположить, что истина находится в “методологической середине”, когда исследователи не привязывают исследуемый феномен государства к определенной стране или периоду ее развития, но имеют в виду более широкие (но не безразмерные!) характеристики, понимая, о каком государстве, при какой цивилизации или в условиях какой социально-экономической системы, идет речь. На мой взгляд, тогда рассуждения о государстве и его роли в экономике становятся более содержательными. В этом случае следование методологическому императиву также помогает преодолению трудностей феноменологизации/универсализации⁴ при исследовании государства.

Наконец, *третья* трудность, или, точнее, вызов, для исследователей государства и его роли в экономике – необходимость определения той научной традиции, подхода, теоретических рамок, в которых проводятся исследования. Это связано с тем, что государство изучают представители разных дисциплин, и они используют разные определения государства, которые не могут быть механически перенесены из одного исследования в другое. Так, Б. Джессоп выделяет шесть ключевых подходов, каждый из которых характеризуется различным фокусом анализа, ключевыми темами и дисциплинами применения [Jessop 2015, p. 6]. Широко известно также, насколько различно понимание государства, его роли и функций в традициях Д. Локка, М. Вебера или советских правоведов с их теорией государства и права, равно как либертарианской традиции и т.д.

В этой связи стоит обратить внимание и на *уровень* анализа (имеются в виду микро-, мезо- или макроуровни), на котором предполагают концентрироваться исследователи при разработке теории государства. Обычно на этот аспект мало обращают внимание. Как следствие, возникает некоторая путаница. Например, известны попытки одновременного представления государства как регулятора макроуровня, системы институтов⁵ и коллективного (совокупности государственных чиновников) субъекта, или актора⁶ [Рубинштейн, Городецкий 2017]. На мой взгляд, в таком случае нарушаются элегантность и красота теории⁷, а вытекающие практические следствия и рекомендации теряют адресатов. Наконец, часто имеет место смешение позитивного и нормативного подходов, когда рассуждения о том, *что есть* государство, соседствуют с утверждениями о том, каким *должно быть* государство.

Очевидно, что заявляемая авторами принадлежность к определенным аналитическим схемам, базирующимся на конкретных научных традициях, позволяет лучше понять решаемые ими задачи. Строгая методологическая схема анализа, или методологический императив, обоснованию важности которого посвящена данная статья, и явное определение целей исследования, предполагающего инструментальный характер изучения государства, в ситуации множественности известных теоретических подходов представляются еще более актуальными.

Иными словами, решение фундаментальных вопросов о природе и функциях государства в каждом конкретном исследовании невозможно без “методологического самопре-

⁴ Феноменологизация и универсализация понимаются в данном случае как методологические крайности, которые могут нанести ущерб исследованию. Они не отрицают ни специфичности конкретных государств, ни наличия некоторых универсальных свойств, имманентных государствам (понимаемым так или иначе). Речь идет лишь о том, что вряд ли возможно и целесообразно создание либо “теории государства А в период Б на территории В...”, либо “универсальной теории государства”.

⁵ Такое институциональное представление обычно соответствует мезоуровню социального анализа [Кирдина 2015].

⁶ Понятие “актор” используется, как известно, при анализе процессов на микроуровне.

⁷ “Красота в науке, в отличие от искусства, является не целью, но методом поиска истины. Признаки красоты в науке – гармоничность, интеллектуальная ясность, экономность, простота, глубина, целостность, доступность, элегантность” [Osborne 1984, p. 295] (цит. по [Маньковская 2000, с. 222]).

деления” исследователей. Это не означает, конечно, что они заранее ограничивают себя заготовленной “методологической полкой” (И. Орлова) и должны отказаться от претензий (в хорошем смысле этого слова) на развитие новых концепций и теорий. Но, “как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе” (Иоанн 15: 4), так и научные исследования, не опирающиеся на работы предшественников и не продолжающие осознанно ту или иную линию изучения определенного предмета, обычно малопродуктивны.

Инструментальный подход в исследованиях государства и его роли в экономике: примеры

Во второй части статьи я приведу два конкретных примера реализации методологии инструментального подхода к исследованию государства и его роли в экономике. Чтобы не быть заподозренной в пристрастном отношении к теориям наших современников, я обращусь к отечественным разработкам прошлых периодов – теории государства русского революционера-анархиста П. Кропоткина начала XX в. и теории государственной социалистической собственности советского правоведа А. Венедиктова 1940-х гг. Одновременно таким образом я надеюсь представить их концепции более широкому кругу научной, экономической прежде всего, общественности, где они малоизвестны.

Теория государства Кропоткина (1842–1921) – один из ярких образцов того, как исследование государства и его эволюции не является абстрактным и напрямую зависит от целей изучения. Данная теория отчетливо отражала мировоззренческие и научные взгляды автора, которые предьявлялись им “на входе” в анализ, и предлагалась как соответствующий инструмент преобразования современного ему общества. При этом Кропоткин в явном виде опирался на классовый подход. Так, в работе “Современная наука и анархия”, изданной на русском языке лишь в 1920 г. (первое издание на французском языке увидело свет в 1913 г.), он определял государство как форму, в которой осуществляется “власть над народом... Таково было происхождение государства, такова была его история, и таково его существо еще в наше время” [Кропоткин 1920, с. 170]. В другой работе классовый подход был обозначен им еще более определенно: “Само историческое развитие государства было вызвано ничем иным, как возникновением земельной собственности и желанием сохранить ее в руках одного класса, который таким образом стал бы господствующим” [Кропоткин 1922, с. 124]. Кропоткин явно противопоставлял власть свободе, а государство – народу: под последним он понимал различные ассоциации, основанные на “свободном соглашении, на свободном почине личности, на вольной федерации тех, кто нуждается в ней” [Кропоткин 1904, с. 73].

Интересно, что анархизм Кропоткина происходил из того же революционного протеста, что и социализм. Но результатом революции он полагал установление “безгосударственного коммунизма”, то есть вольного федеративного союза самоуправляющихся территориальных единиц, основанного на принципе добровольности и “безначалья”. В этой связи исследователи отмечают парадоксальность теории государства Кропоткина, для которой характерен “антиэтатизм” [Ляшенко 2008, с. 10].

Концепция “безгосударственного”, или “анархического”, коммунизма Кропоткина предполагает и соответствующее видение экономических отношений. При их анализе, как и при исследовании государства, он опирался на исторический подход. Особое внимание Кропоткин уделил изучению отношений по поводу общественной собственности и общественных благ, называя такие отношения собственности коммунизмом. Их дальнейшее развитие в условиях анархического коммунизма он видел в необходимости полной экспроприации собственности всех, кто имеют “хотя бы какую-нибудь возможность эксплуатировать человека”, в пользу коммун. Для Кропоткина анархизм (анархический коммунизм) означал “коммунальное производство и потребление”, “обобществление

земли... и фабрик, и организации земледелия, а также, может быть, и фабричного производства на общественно-артельных началах” [Кропоткин 1990, с. 15, 20].

В условиях “коммунального производства” основным регулирующим общественным отношением становится, по мнению Кропоткина, не конкуренция, а кооперация, характерная не только для человеческих сообществ, но и для мира природы в целом. Отношения кооперации и взаимопомощи Кропоткин подробно исследовал в своей знаменитой книге “Mutual Aid. A Factor of Evolution” [Kropotkin 2006]. В отличие от Ч. Дарвина, отводившего конкуренции основную роль в человеческой эволюции, Кропоткин отстаивал идеи взаимопомощи и сотрудничества, которые способствуют эффективной адаптации живых организмов и человеческих обществ к существующим условиям⁸. Более того, он доказывал исторические преимущества тех сообществ, где кооперация преобладает над конкуренцией.

Таким образом, в концепции Кропоткина понимание того, что есть государство, с одной стороны, и вытекающее отсюда представление о его роли в экономических отношениях – с другой, органически увязаны. Очевиден инструментальный подход к анализу государства, обусловленный политическими взглядами Кропоткина, которые стали фундаментом его исследовательской методологии. Независимо от того, согласны ли мы со взглядами автора, его концепция представляется логически последовательной и цельной. Понятно, что, соглашаясь с его методологией, мы, видимо, согласимся и с его “практическими рекомендациями”, и наоборот.

Если концепция государства и его участия в экономике у Кропоткина представляла собой своего рода базирующийся на исторических исследованиях социальный проект, то для правоведа-цивилиста Венедиктова (1887–1959) и его теории социалистического государства и его участия в экономике, она стала результатом не только исторических изысканий, но и обобщения реальной социальной практики. Эта теория изложена в фундаментальной монографии “Государственная социалистическая собственность”⁹ [Венедиктов 1948], за которую в 1949 г. он был удостоен Сталинской премии в области юридических наук.

В соответствии с распространенной тогда доктриной государство в СССР, и шире – при социализме, понималось Венедиктовым как выразитель общенародных воли и интере-

⁸ К сожалению, эта великая, на мой взгляд, работа Кропоткина до сих пор мало известна и в России, и за рубежом (несмотря на то, что впервые была издана в 1902 г. на английском языке). Она была одним из высших достижений российской общественной научной мысли того периода. В ней он обобщил результаты работ крупнейших российских ученых, которые эмпирически обосновали значение кооперации и взаимопомощи в эволюционном процессе (подробнее см. [Кирдина-Чэндлер, Холл, 2017]). Приходится констатировать, что идеи Кропоткина о созидательной кооперации – в отличие от популярных бунтарских идей анархизма, – не так широко известны. Они обсуждались в основном историками общественной мысли России (см., например, [Тодес 1992; Тодес 1989; Vucinich 1989]). Однако в последние годы и фигура Кропоткина, и его идеи кооперации и солидарности вновь выходят на передний план. Например, в 2021 г. в Бразилии готовится масштабная общемировая конференция, посвященная столетию со дня смерти Кропоткина (<https://kropotkin2021.com/>). В России эти темы стал активно развивать В. Полтерович [Полтерович 2018; Полтерович 2019].

⁹ Эта книга 1948 г. издания стоит на полке у меня в кабинете. История, связанная с ее приобретением, – один из примеров игнорирования достижений наших предшественников, что встречается до сих пор. Во времена перестройки в начале 2000-х гг., впервые прочитав Венедиктова в библиотеке, я пыталась разыскать эту поразившую меня глубиной и энциклопедизмом книгу в антикварных магазинах Москвы, но тщетно. От продавцов я узнала, что в “лихие 90-ые” практически все труды наших советских обществоведов активно вывозились из страны: “приезжали американские студенты с длинными списками от своих профессоров и скупали практически все труды советских экономистов”. Определенная часть этой литературы, которая приобреталась для комплектации зарубежных публичных и частных библиотек, попадала и на свободный рынок. Так, свой экземпляр книги Венедиктова я нашла через Интернет, списавшись с немецким продавцом, который за хорошие деньги прислал ее мне. На мой вопрос, почему на ней стоит синий штамп “Printed in Soviet Union” (на английском языке), он написал, что сам приобрел эту книгу в США. Позже в 2004 г. в России, взамен утраченных, труды Венедиктова были переизданы в серии “Классика российской цивилистики”, включая и этот знаменитый том. Но я дорожу своим экземпляром с пожелтевшими страницами и такой удивительной историей.

сов (позднее такое определение социалистического государства как общенародного было закреплено в Конституции СССР 1977 г.). Задача правоведов состояла в том, чтобы определить юридическую природу такого государства, в том числе и как хозяйствующего субъекта, то есть его роль в социалистической экономике. Поэтому Венедиктов сконцентрировался на углубленном изучении отношений собственности при социализме, существенно отличными от отношений частной собственности. Как человек энциклопедических знаний [Толстой 2017] Венедиктов опирался и на современную ему советскую практику, и на юридические документы разных стран и исторических эпох (подробнее анализ экономических характеристик концепции Венедиктова см. [Кирдина 2014, с. 108–110]).

Именно в трудах Венедиктова нашла свое выражение особая “советская” доктрина права государственной собственности, одной из основных задач которой было формирование теоретической базы для правового регулирования случаев участия государства в экономической жизни [Голубцов 2010, с. 66]. В качестве самостоятельного субъекта гражданского права государство выступало относительно той части всенародного достояния (государственной собственности), которая не была распределена между юридическими лицами – государственными организациями – на праве оперативного управления [Советское...1984, с. 2].

Сущность государства и его участия в экономике при социализме Венедиктов видел в особом характере отношений собственности, характерном для современного ему периода. При этом он не замыкался в рамках чисто странового анализа ситуации. Вслед за многими зарубежными историками и юристами Венедиктов отмечал, что, по сути, аналогичные экономические отношения были широко представлены в других государствах, прежде всего в странах Азии. Описывая их особенности на примере земельных отношений, он метко цитирует К. Маркса: “Государство здесь верховный собственник земли... в этом случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение и пользование землей” (цит. по [Венедиктов 1948, с. 62]).

Вспомним в этой связи, что вслед за некоторыми юристами своего времени Маркс отмечал, что на Востоке, в отличие от античных, в первую очередь римских, общин при их объединении в более крупные общины, в том числе в государство, право собственности оставалось не за этими общинами, а переходило к “связующему их единству”. “Связующее единство (*zusammenfassende Einheit*), возвышающееся над всеми этими мелкими коллективами, – писал Маркс, – выступает как высший собственник... каждый отдельный человек, таким образом, на деле лишен собственности” [Венедиктов 1948, с. 68]). Те же черты Венедиктов отмечал и в отношениях собственности при социализме в СССР.

Венедиктов тщательно исследовал структуру данного института собственности и обратил внимание на наличие в нем своего рода “подчинительной собственности” для субъекта, который пользуется объектом социалистической собственности. Он также показал тонкое различие между функциями государства в условиях социалистической и частной собственности. Так, Венедиктов различал политическое государственное верховенство над всей территорией страны в смысле *dominium eminens* (то есть право политической власти облагать частных собственников налогами и ограничивать их права собственности) от собственности в смысле либо *dominium plenum* (когда государство является, по сути, реальным собственником земли и предоставляет экономическим субъектам лишь право пользования участками), либо *dominium directum*, то есть права верховной собственности государства с признанием за гражданами и организациями права подчинительной собственности (*dominium utile*) на переданные в их владение участки [Венедиктов 1948, с. 62–63].

Речь о такого рода отношениях собственности, характерных и для социалистического государства, «может идти только в том случае, когда власть и интерес в использовании того или иного объекта так делятся между двумя субъектами права (индивидуальными

или коллективными), что ни один из них не может быть признан единственным субъектом “присвоения”, то есть единственным носителем собственной власти и собственного интереса по отношению к данному объекту... Необходимо подчеркнуть при этом, что при разделенной собственности раздел власти и интереса между несколькими индивидами и коллективами, либо между коллективом и индивидом происходит не “по горизонтали”, как это имеет место при общей – долевой (*condominium*) или совместной (*Gesamteigentum*) – собственности, а “по вертикали”, когда за каждым из носителей собственности признается не часть (определенная или неопределенная) одного и того же права собственности, а различные по своему характеру и объему полномочия» [Венедиктов 1948, с. 64–65].

Анализируя в своей монографии особенности феодализма европейских стран, Венедиктов, базируясь на множестве исторических юридических документов, подчеркивает, что складывавшиеся там вассальные отношения не означали разделенной собственности на землю, характерной для истории России во все времена [Венедиктов 1948, с. 86]. Можно видеть, что его исследования последовательно концентрируются на *мезоуровне* социального анализа (хотя в то время такого термина еще не существовало), а сама теория государства и его экономических функций при социализме представляет собой теорию мезоуровня и может быть отнесена к разделу институциональной мезоэкономики [Мезоэкономика... 2020].

Точное очерчивание дисциплинарной области, строгость методологии, характерная для исследований Венедиктова, внимание к ясности определений, как и ярко выраженный инструментальный характер исследования государства, являются, на мой взгляд, образцовыми с точки зрения критериев, которые предъявляются к теориям государства и его роли в экономике в настоящей статье. Можно не соглашаться с основаниями методологической схемы советского автора, но трудно поспорить с четкостью и последовательностью выстроенной на ее основе концепции. С этой точки зрения теория государственной социалистической собственности Венедиктова, пусть и по прошествии более шести десятков лет, может служить неким эталоном и стать основой своеобразного бэнчмаркинга (тестирования по сравнению с наилучшим результатом) при анализе современных концепций государства и его роли в экономике.

* * *

Государство – сложный, многообразный феномен, изучением которого занимаются, похоже, представители всего спектра общественных, а также гуманитарных наук, причем уже не одно тысячелетие. Однако в начале XXI в. роль государства в экономике становится объектом особого внимания. Это связывают с обозначившейся во всем мире ролью национальных государственных структур в преодолении последствий глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. и иных шоков, а следовательно, с необходимостью осмысления роли государства в экономике.

Изучение современного государства и его функций в экономике, однако, ставит перед исследователями ряд методологических проблем. Основная из них состоит в определении государства как предмета изучения, поскольку от того, как определяется государство, в значительной мере зависит то, какие именно функции ему будут вменяться. Просматриваются и основные вызовы, с которыми неизбежно сталкиваются исследователи в этой сфере. В данной статье рассмотрены, во-первых, идеологизация, то есть вольная и/или невольная имплементация в научное исследование взглядов, оценок, политических и ценностных пристрастий исследователя; во-вторых, поиск необходимого компромисса при изучении государства с целью избежать методологических крайностей (феноменологизации, с одной стороны, и универсализации – с другой); в-третьих (по порядку, а не значению) – определение дисциплинарных, теоретических и “уровневых” рамок, в которых

проводятся исследования. Эти рамки определяют характер и набор исходных гипотез, схемы анализа, методы исследования.

Решению возникающих при исследовании государства методологических проблем способствует применение инструментального подхода. Имманентный инструментальному подходу вопрос “для чего?” определяет фокусировку исследовательского интереса и перспективы практического приложения получаемых научных результатов. Именно поэтому инструментальный подход становится своего рода методологическим императивом, которому целесообразно следовать при изучении государства. Не случайно наиболее известные теории государства всегда носили ярко выраженный инструментальный характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аджемоглу Д., Робинсон Дж. (2015) Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ.
- Бахтин М. М. (1979) Эстетика словесного творчества. М.: Искусство.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. (2020) Государство в экономике XXI века: политико-экономическая интерпретация. Научный доклад. М.: Институт экономики РАН.
- Венедиктов А.В. (1948) Государственная социалистическая собственность. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР.
- Голубцов В.Г. (2010) Государство как частноправовой субъект: правовая природа и особенности // Журнал российского права. № 10. С. 61–77.
- Девятко И.Ф. (2007) Состояние и перспективы социологической теории в мире и в России (тезисы к VIII Харчевским чтениям) // Социологические исследования. № 9. С. 35–37.
- Кирдина С.Г. (2014) Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию. Изд. 3-е. М., СПб.: Нестор-История.
- Кирдина С.Г. (2013) Институциональные модели финансирования реального сектора // Журнал Новой экономической ассоциации. № 2 (18). С. 129–157.
- Кирдина С.Г. (2015) Методологический институционализм и мезоуровень социального анализа // Социс. № 12. С. 51–59.
- Кирдина С.Г. (2008) Современные социологические теории: актуальное противостояние? // Социс. № 8. С. 18–28.
- Кирдина-Чэндлер С. Г., Холл Дж. (2017) Кооперация versus конкуренция в трудах российских эволюционистов // Journal of Institutional Studies. Том. 9. № 1. С. 6–26.
- Клинова М. В. (2015) Роль государства в экономике Европейского союза // Вестник Российской академии наук. Т. 85. № 1. С. 1113–1122.
- Кошовец О.Б. (2019) Куда движется современная экономическая наука: горизонтальный прогресс, превосходство метода и замещение теории дискурсом // Общественные науки и современность. № 5. С. 134–148.
- Кропоткин П.А. (1922) Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса. Пг.-М.: “Голос труда”.
- Кропоткин П. А. (1904) Государство, его роль в истории. Женева: Издание Группы “Хлеб и воля”.
- Кропоткин П.А. (1920) Современная наука и анархия. Пг.-М.: “Голос труда”.
- Кропоткин П.А. (1990) Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М.: Правда.
- Ляшенко В.В. (2008) Идеи П.А. Кропоткина о государстве и праве. Автореф. дисс. канд. юр. наук. М.: РГСУ.
- Маньковская Н.Б. (2000) Эстетика постмодернизма. СПб.: Алетейя.
- Мезоэкономика: элементы новой парадигмы (2020) Под ред. В.И. Маевского и С.Г. Кирдиной-Чэндлер. М.: Институт экономики РАН.
- На пути к новой экономической теории государства (2018) / Под ред. А.Я. Рубинштейна. М.: Институт экономики РАН.
- Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгафт Б. (2011) Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Полтерович В.М. (2018) К общей теории социально-экономического развития. Часть 2. Эволюция механизмов координации // Вопросы экономики. № 12. С. 77–102.

- Полтерович В.М. (2019) Петр Кропоткин, философия сотрудничества и цифровая революция // Экономическая наука: забытые и отвергнутые теории. Сборник материалов 1-й Октябрьской международной научной конференции по проблемам теоретической экономики. 3–5 октября 2019 г. / Под ред. В.С. Автономова и А.Я. Рубинштейна. М.: ИЭ РАН. С. 139–144.
- Полтерович В.М. (2017) Разработка стратегий социально-экономического развития: наука vs идеология // Вопросы теоретической экономики. № 1. С. 55–65.
- Порус В.Н. (2001) Инструментализм // Новая Философская Энциклопедия. Т. 2. М.: Мысль. С. 125–126.
- Порус В.Н. (2009) Инструментализм // Энциклопедия эпистемологии и философии науки / Сост. и общ. ред. И.Т. Касавин. М.: “Канон+” РООИ “Реабилитация”. С. 284–285.
- Рубинштейн А.Я., Городецкий А.Е. (2017) Некоторые аспекты экономической теории государства. Научный доклад. М.: Институт экономики РАН.
- Советское гражданское право. Субъекты гражданского права (1984) / Под ред. С.Н. Братуся. М.: Юридическая литература.
- Тодес Д. (1992) Кропоткин и восприятие теории Дарвина в России. Выступление на заседании, посвященном 70-летию со дня рождения П.А. Кропоткина (АОН при ЦК КПСС, февраль 1991 г.) // Труды Комиссии по научному наследию П.А. Кропоткина. Выпуск 1. М.: Академия наук СССР, Ордена Трудового Красного Знамени Ин-т экономики. С. 69–74.
- Толстой Ю.К. (2017) Хроника. Портреты заговорили // Право и современные государства. № 1. С. 47–62.
- A Modern Guide to State Intervention: Economic Policies for Growth and Sustainability (2019) Cheltenham (UK) and Northampton (MA): Edward Elgar.
- Acemoglu D., Robinson J. (2012) Why nations fail: the origins of power, prosperity, and poverty. New York: Crown Business.
- Barrow C. W. (1993) Critical Theories of State: Marxist, Neo-Marxist, Post-Marxist. Madison: (Wis.): Univ. of Wisconsin Press.
- Barrow C. W. (2017) Toward a Critical Theory of States: The Poulantzas-Miliband Debate after Globalization. Albany: State Univ. of New York.
- Deutsch D. (1997) The Fabric of Reality: The Science of Parallel Universes – and Its Implications. New York: Viking Adult.
- The Essential Dewey. Vol. 2 (1998) / Ed. by L. Hickman and T. Alexander. Bloomington: Indiana Univ. Press.
- Jessop B. (2015) The State: Past, Present, Future. Cambridge: Polity.
- Kropotkin P. A. (2006) Mutual Aid: A Factor of Evolution. New-York: Dover Publications, Inc.
- North D., Wallis J., Weingast B. (2009) Violence and Social Order: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Osborne H. (1984) Mathematical Beauty and Physical Science // The British Journal of Aesthetics. Vol. 24. No. 4. Pp. 291–300.
- Painter J., Jeffrey A. (2009) Political Geography: An Introduction to Space and Power. London: Sage Publications Ltd.
- Popper K. R. (2003) Conjectures and Refutations: The Growth of Scientific Knowledge. London: Routledge.
- Robinson E.H. (2013) The Distinction Between State and Government // Geography Compass. Vol. 7. No. 8. Pp. 556–566.
- Todes D. P. (1989) Darwin Without Malthus: The Struggle for Existence in Russian Evolutionary Thought. New York: Oxford Univ. Press.
- Vucinich A. (1989) Darwin in Russian Thought. Berkeley: Univ. of California Press.

REFERENCES

- A Modern Guide to State Intervention: Economic Policies for Growth and Sustainability (2019) Cheltenham (UK) and Northampton (MA): Edward Elgar.
- Acemoglu D., Robinson J. (2015) *Pochemu odni strany bogatye, a drugie bednye. Proishozhdenie vlasti, protsvetaniya i nishchety* [Why nations fail: the origins of power, prosperity, and poverty]. Moscow: ACT.

- Acemoglu D., Robinson J. (2012) *Why nations fail: the origins of power, prosperity, and poverty*. New York: Crown Business.
- Bakhtin M.M. (1979) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo.
- Barrow C.W. (1993) *Critical Theories of State: Marxist, Neo-Marxist, Post-Marxist*. Madison: (Wis.) Univ. of Wisconsin Press.
- Barrow C.W. (2017) *Toward a Critical Theory of States: The Poulantzas-Miliband Debate after Globalization*. Albany: State Univ. of New York.
- Buzgalin A.V., Kolganov A.I. (2020) *Gosudarstvo v ekonomike XXI veka: politicheskaya i ekonomicheskaya interpretatsiya* [The state in the economy of the 21st century: a political and economic interpretation]. Moscow: Institute of Economics RAS.
- Deutsch D. (1997) *The Fabric of Reality: The Science of Parallel Universes – and Its Implications*. New York: Viking Adult.
- Devyatko I.F. (2007) Sostoyanie i perspektivy sotsiologicheskoy teorii v mire i Rossii [The state and prospects of sociological theory in the world and in Russia]. *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 9, pp. 35–37.
- The Essential Dewey*. Vol. 2 (1998) / Ed. by L. Hickman and T. Alexander. Bloomington: Indiana Univ. Press.
- Golubtsov V.G. (2010) Gosudarstvo kak chastnopravovoy sub'ekt [The state as a private legal entity: legal nature and features]. *Zhurnal rossiyskogo prava*, no. 10, pp. 61–77.
- Jessop B. (2015) *The State: Past, Present, Future*. Cambridge: Polity.
- Kirdina S.G. (2014) *Institutsional'nye matritsy i razvitie Rossii. Vvedenie v X-Y-teoriyu* [Institutional matrices and development in Russia. An Introduction to X-Y theory]. Moscow, St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
- Kirdina S.G. (2013) Institutsional'nye modeli finansirovaniya real'nogo sektora [Institutional models of real sector financing]. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii*, no. 2, vol. 18, pp. 129–157.
- Kirdina S.G. (2015) Metodologicheskii institucionalizm i mezouroven' socialnogo analiza [Methodological institutionalism and the meso-level of social analysis]. *Socis*, no. 12, pp. 51–59.
- Kirdina S.G. (2008) Sovremennye sotsiologicheskie teorii: aktual'noe protivostoyanie? [Modern sociological theories: an actual confrontation?]. *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 8, pp. 18–28.
- Kirdina-Chandler S.G., Hall J. (2017) Kooperatsiya versus konkurentsia v trudakh rossiyskikh evolyutsionistov [Cooperation versus competition in works of Russian evolutionists]. *Journal of Institutional Studies*, no. 1, vol. 9, pp. 6–26.
- Klinova M.V. (2015) Rol' gosudarstva v ekonomike evropeyskogo soyuza [The role of the state in the economy of the European Union]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*, no. 1, vol. 85, pp. 1113–1122.
- Koshovets O. (2019) Kuda dvizhetsya sovremennaya nauka: gorizonta'lniy progress, prevoskhodstvo metoda i zameshchenie teorii diskursom [Where Modern Economics Is Heading? Horizontal Progress, the Superiority of the Method and the Replacement of Theory with Discourse]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 134–148.
- Kropotkin P.A. (1904) *Gosudarstvo, ego rol' v istorii* [The state, its role in history]. Geneva: Izd-vo gruppy "Khleb i volya".
- Kropotkin P.A. (1990) *Khleb i volya. Sovremennaya nauka i anarkhiya* [Bread and Will. Modern science and anarchy]. Moscow: "Pravda".
- Kropotkin P.A. (2006 [1902]) *Mutual Aid: A Factor of Evolution*. New-York: Dover Publications, Inc.
- Kropotkin P.A. (1920) *Sovremennaya nauka i anarkhiya* [Modern science and anarchy]. Petrograd-Moscow: "Golos truda".
- Kropotkin P.A. (1922) *Vzaimnaya pomoshch sredi zivotnykh i lyudey kak dvigatel' progressa* [Mutual assistance among animals and people as an engine of progress]. Petrograd-Moscow: "Golos truda".
- Lyashenko V.V. (2008) *Idei P.A. Kropotkina o gosudarstve i prave* [P.A. Kropotkin's ideas about the state and law]. Diss. Moscow: RGSU.
- Mankovskaya N.B. (2000) *Estetika postmodernisma* [Aesthetics of postmodernism]. St-Petersburg: Aletheia.
- Mezoeconomika: elementy novoy paradigmy* (2020) [Meso-economics: Elements of a New Paradigm / Ed. by V. Mayevsky and S. Kirdina-Chandler]. Moscow: Institute of Economics RAS.
- Na puti k novoy ekonomicheskoy teorii gosudarstva* (2018) [Towards a new economic theory of the state]. Ed. by A. Rubinshtein. Moscow: Institute of Economics RAS.

North D., Wallis J., Weingast B. (2011) *Nasilie i sotsial'nye poryadki. Kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoy istorii chelovechestva* [Violence and Social Order: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaydara.

North D., Wallis J., Weingast B. (2009) *Violence and Social Order: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Osborne H. (1984) Mathematical Beauty and Physical Science. *The British Journal of Aesthetics*, no. 4, vol. 24, pp. 291–300.

Painter J., Jeffrey A. (2009) *Political Geography: An Introduction to Space and Power*. London: Sage Publications Ltd.

Polterovich V.M. (2018) К обshchey teorii sotsialno-ekonomicheskogo rasvitiya. Chast' 2. Evolutsiya mekhanizmov koordinatsii [Towards a general theory of socio-economic development. Part 2. Evolution of coordination mechanisms]. *Voprosy ekonomiki*, no. 12, pp. 77–102.

Polterovich V.M. (2019) Petr Kropotkin, filosofiya sotrudnichestva i tsifrovaya revoliutiya [Petr Kropotkin, philosophy of cooperation and the digital revolution]. *Ekonomicheskaya nauka: zabitie i otvergnyutye teorii. Sbornik materialov 1 Oktyabrskoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii po problemam teoreticheskoy ekonomiki, 3–5 oktyabrya 2019. Pod red. V.S. Avtonomova i A.Ya. Rubinshteina* [Economic sciences: Forgotten and Rejected Theories: Proceedings of the 1st October International Scientific Conference on Theoretical Economics: October 3–5 2019. Ed. by V.S. Avtonomov and A.Ya. Rubinstein]. Moscow: IE RAS, pp. 139–144.

Polterovich V.M. (2017) Razrabotka strategiy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya: nauka vs ideologiya [Designing the strategies for socio-economic development: science vs ideology]. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*, no. 1, pp. 55–65.

Popper K.R. (2003) *Conjectures and Refutations: The Growth of Scientific Knowledge*. London: Routledge.

Porus V.N. (2009) Instrumentalizm [Instrumentalism]. *Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki* [Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science]. Moscow: “Canon +”, pp. 284–285.

Porus V.N. (2001) Instrumentalizm [Instrumentalism]. *Novaya Filosofskaya Entsiklopediya* [New Philosophical Encyclopedia]. Vol. 2. Moscow: Mysl', pp. 125–126.

Robinson E.H. (2013) The Distinction Between State and Government. *Geography Compass*, no. 8, vol. 7, pp. 556–566.

Rubinstein A.Ya., Gorodetskiy A.E. (2017) *Nekotorye aspekty ekonomicheskoy teorii gosudarstva* [Some aspects of the economic theory of the state]. Moscow: IE RAS.

Sovetskoye grazhdanskoye pravo. Sub'ekty grazhdanskogo prava (1984) [Soviet civil law. Subjects of Civil Law]. Ed. by S.N. Bratus'. Moscow: “Yuridicheskaya literatura”.

Todes D. P. (1989) *Darwin Without Malthus: The Struggle for Existence in Russian Evolutionary Thought*. New York: Oxford Univ. Press.

Todes D. (1992) *Kropotkin i vospriyatie teorii Darvina v Rossii* [Kropotkin and the perception of Darwin's theory in Russia]. Proceedings of the Kropotkin's Scientific Heritage Commission. Issue 1. Moscow, Akademiya nauk SSSR, Institut ekonomiki, pp. 69–74.

Tolstoy Yu.K. (2017) Khronika. Portrety zagovorili [Chronicle. Portraits spoke]. *Pravo i sovremennyye gosudarstva*, no. 1, pp. 47–62.

Venediktov A.V. (1948) *Gosudarstvennaya sotsialisticheskaya sobstvennost'* [State socialist property]. Moscow-Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences.

Vucinich A. (1989) *Darwin in Russian Thought*. Berkeley: Univ. of California Press.